

НОВЫЕ НАХОДКИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

(О статьях А. В. Арциховского, посвященных раскопкам 1952 г. в Новгороде)*

В журнале «Вопросы языкознания» за 1952 г. автором этих строк был затронут вопрос о десяти берестяных грамотах, найденных в 1951 г. в Новгороде в результате исключительно успешных археологических раскопок, произведенных экспедицией, возглавляемой проф. А. В. Арциховским¹.

В упомянутой статье отмечалось огромное значение этой находки, так как берестяные грамоты, в особенности семь грамот, являющиеся частными письмами, и обнаруженные при раскопках предметы домашнего обихода с надписями на них свидетельствуют о широком распространении грамотности на Руси.

Итоги экспедиции 1951 г. позволили А. В. Арциховскому выразить уверенность, что десять берестяных грамот — лишь незначительная часть подобных грамот, имеющихся в культурном слое Новгорода.

И действительно, успех археологической экспедиции в Новгороде в 1952 г. (также возглавляемой А. В. Арциховским) превзошел самые смелые ожидания. В 1952 г. раскопки заняли площадь почти в пять раз большую, чем в 1951 г., но количество грамот, найденных в 1952 г., возросло не в пять раз, а в семь с лишним раз: было обнаружено 73 грамоты.

А. В. Арциховский приводит следующие данные о найденных грамотах: «Целых грамот — 8; адресов...—2; отрывков, где смысл всей грамоты ясен,—27; отрывков с ясными словами — 19; отрывков, где сохранились лишь куски слов,—16. Среди этих 73 грамот особняком стоит одна чернильная грамота. Прочсть ее пока не удалось, так как чернила сохранились очень плохо. Буквы всех остальных грамот процарапаны»².

Как указывает А. В. Арциховский, шесть грамот из 73 принадлежат сравнительно позднему времени — относятся к XVI в., а остальные — к XV, XIV, XIII и XII вв. Из них к обнаруженным в культурном слое XV в. относятся шесть грамот: №№ 17, 21, 23, 24, 25, 27³; XIV в. — пять: №№ 40, 41, 43, 46, 49; XIII—XIV вв. — одна: № 53; XII в. — одна: № 54; XI в. — две: №№ 69 и 78. Кроме того, указаны две самые маленькие грамоты — короткие и узкие берестяные полоски, которые А. В. Арциховский считает возможным назвать адресами. Одна из них (№ 58) найдена в культурном слое XIII в., другая (№ 79) — в культурном слое XII в. Раскопки 1952 г. остановились приблизительно на границе XI и XII в. Таким образом, когда будут вскрыты слои XI и X в., русское языкознание обогатится еще более драгоценными памятниками.

Раскопки 1951 г. дали только одну грамоту XI в. Напомним, что грамот XI в., написанных на пергамене, нет (древнейшие пергаменные грамоты принадлежат XII в.) и что древнейший русский памятник письменности — Остромирово евангелие — написан в 1056—1057 гг. Все это вызывает исключительный интерес к ожидаемым дальнейшим находкам, которые, несомненно, во многом изменят наши представления о древнерусской письменности и древнерусском языке.

Нельзя не выразить сожаления, что А. В. Арциховский в своей статье остановился только на некоторых грамотах, найденных экспедицией 1952 г.

Основное внимание он уделит текстам грамот, их толкованию и замечаниям по поводу содержания, остановившись предварительно на некоторых языковых особенностях грамот. Фонетических, морфологических и синтаксических черт грамот мы коснемся дальше, после анализа текста, а сначала рассмотрим текст грамот, их лексику.

Грамота № 17, найденная в культурном слое XV в., содержит следующий текст:

*Поклонъ ѿ михаилъ к сподину своѣму тимофию. земля готова надобъ сѣмяна
пришли оподине цвѣкъ. спроста. а мы не смѣмъ имать рѣси безъ твоѣго слова.*

А. В. Арциховский предполагает (и мы разделяем его предположение), что это письмо приказчика к феодалу.

* См. А. В. Арциховский, Раскопки 1952 года в Новгороде, «Вестник АН СССР», М., 1952, № 12, стр. 45—57; с тем же заглавием см. его статью в журн. «Вопросы истории», М., 1953, № 1, стр. 113—124. Ввиду почти полного совпадения текстов этих статей в обоих журналах, все ссылки, за исключением специально оговоренных случаев, даются на один источник — статью в журн. «Вопросы истории», так как она является последней редакцией авторского текста.

¹ См. В. И. Бороковский, Драгоценные памятники древнерусской письменности, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 131—136.

² А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 114.

³ Эта нумерация является продолжением нумерации грамот, найденных в 1951 г. (следовательно, грамоты, найденные при раскопках в 1952 г., имеют №№ 11—83).

А. В. Арциховскому представляется трудным перевести слова *пришли... цвкъ. спроста*. Он пишет: «...по словарю Срезневского, среди многочисленных древнерусских значений слова „спроста“ были значения: „одним словом“, „вообще“ и т. н.»⁴. Очевидно, автор полагает возможным и в данном тексте перевести «спроста» как «одним словом», «вообще». Такой перевод едва ли оправдан контекстом. В говорах русского языка в числе значений наречия «спроста» (в противоположность «неспроста») имеются: «без умысла или намерения», «без хитрости, простодушно». В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского (т. III, СПб., 1912) в словарной статье, посвященной слову «съпростои», на которое как на прилагательное у И. И. Срезневского нет примеров (чем и объясняется вопросительный знак в скобках около этого слова), отмечено: «...не въ с ъ п р о с т у — не съ проста: — И се нѣ въ спросту ксть. Ефр. Спр. XIII в.»

Этот пример позволяет предполагать и употребление *съ проста* со значением, противоположным значению *не въ съпросту*, а не только со значениями, указанными у И. И. Срезневского в т. III «Материалов» для *съ проста*: вполне, совершенно; почти, просто; одним словом, вообще.

О значениях «простодушно», «без хитрости», «искренно» свидетельствуют, видимо, следующие примеры из памятников начала XVII в., имеющиеся в картотеке древнерусского словаря Института языковедения АН СССР:

А больши де того онъ у посла ничего не писываль, а приходиль де спроста, безхитросно, не вбдяя заповеди (Посольство Михаила Никитича Тиханова. 1613—1615 гг.); *а ходиль онъ к Усеинъ беку про то допрашивать спроста, по совѣту с-Иваном, чтобъ того довѣдатца: отъ кого тб ненадобные слова пронеслись?* (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, Изд. под ред. Н. И. Веселовского, т. III, СПб., 1898, 1614—1621 гг.).

Отметим попутно, что «Материалы» И. И. Срезневского, хотя и представляют большую научную ценность, но все же не дают полной картины лексического богатства древнерусского языка. Нет сомнений, что памятники письменности, которые не были известны во времена И. И. Срезневского или не были им использованы, дают возможность обнаружить в том или ином слове те значения, какие не указаны в «Материалах».

Текст грамоты № 17 может быть переведен так: «Поклон от Михаила к господину своему Тимофею. Земля готова — пужны семена. Пришли, господин, искренно (проявляя доверие к посланному письму) человека. А мы не смеем взять ржи без твоего разрешения».

В г р а м о т е № 21, обнаруженной в том же культурном слое XV в. и представляющей конец письма, написано:

выткала и ты ко мнѣ пришли а не угоднице с кымъ прислать и ты у себя изббли.

А. В. Арциховский читает *угоднице с кымъ* как одно слово *угодицескымъ* и полагает, что оно обозначает жителей села Угодичи. В то же время он пишет, что «село Угодичи в новгородских писцовых книгах неизвестно; такое село есть под Ростовом Великим, но в этих книгах упоминается два починка Угожа»⁵.

Нельзя согласиться с таким толкованием А. В. Арциховского. От «Угожа» не может быть образовано прилагательное *угодицескымъ* = *угодическымъ*. Конструкция *а не угодицескымъ прислать* не позволяет предположить, что в этих словах содержится предложение автора письма адресату «...не рассчитывать, что пришли жители села Угодичи»⁶.

Если рассматривать *угоднице с кымъ* как субстантивированное прилагательное и, следовательно, считать, что в данном тексте мы имеем дат. надеж лица (*угодицескымъ*), которому следует (или не следует) что-либо делать, то конструкция должна быть переведена: «а не угодичанам следует прислать». Вернее предположить, что *угоднице с кымъ* представляет собою словосочетание, а не одно слово и передает живое произношение возвратной формы *угодить се* (*се* на месте *ся*), явившееся вследствие того, что конечное *т* в соединении с *с* после падения глухого дает *ц*. Отметим, что *се* в качестве возвратной частицы глагола встречается в северновеликорусских говорах (в том числе и в западно-новгородской группе) и в средневеликорусских говорах.

В архиве «Атласа русских народных говоров северо-западных областей» имеются данные об употреблении *се* в той или иной глагольной форме в следующих пунктах: 1) Новгородская область (дер. Остров Хренельского сельсовета Батецкого района и дер. Взгляды Взглядского сельсовета Вологовского района); 2) Ленинградская область (дер. Сологубовка Лезьенского сельсовета Мгинского района и дер. Крылово Белогульского сельсовета Пушкиногорского района); 3) Псковская область (дер. Васильево Рюшского сельсовета Псковского района); 4) Калининская область (дер. Верендаль, она же — Ованцево, Соколовского сельсовета Чихачевского района).

⁴ А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 115.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

П. С. Кузнецов в своей работе «Очерк морфологической системы пильмасозерского говора» (Пудожский район Карельской АССР) указывает, что наиболее обычной для основного говора является, повидимому, форма на *-с'е'*. Для нас особый интерес представляет следующее замечание автора: «Степень фонетического слияния возвратного суффикса с предшествующим ему *-т* 3-го лица или инфинитива может быть различна. Иногда согласные обоих значимых элементов сливаются в одно долгое мягкое (или твердое в результате последующего отвердения) *ц*, иногда же затвор и фрикатива выступают достаточно отчетливо»⁸. В числе примеров, приведенных П. С. Кузнецовым, дано: *царáпай'це, н'е полагайи'це*. Форма *угодиче* имеет значение «удастся», поскольку в древнерусских памятниках с этим значением обычно употреблялся безлично глагол *угодитися*.

Переводим текст грамоты: «выткала, и ты ко мне пришли. Если не удастся с кем ибуди прислать, то ты у себя выбели».

Интересно отметить, что глагола *избблти* (как и глагола *выбблти*) нет ни в «Материалах» И. И. Срезневского, ни в картотеке древнерусского словаря. Нет глагола *избелити* и в словаре Даля, так как русское образование этого слова — с приставкой *вы* (как и в чешском и в польском языках), а не с приставкой *из*, характерной для старославянского и современного болгарского языка.

В отношении грамоты № 21 необходимо еще отметить, что на снимке можно прочесть слово, предшествующее слову *выткала*. Оно состоит из букв: *у*, затем, повидимому, *о*, дальше *з*, *ц*, *и*, *н* и, по всей вероятности *к* и *у* (видны только нижние части этих букв). Можно предположить, что написано: *уоцинку* = *оуцинку*.

В форме *усина* это слово отмечено Г. Е. Кочиным в новгородских писцовых книгах за 1500 г.⁹ Г. Е. Кочин пишет по поводу этого слова: «Усина — ткань, холст; усина входит в состав натурального оброка»¹⁰. В словаре Даля находим: «Увчина (ж.) сев. узкий, простой крестьянский холст (Ср. узкий)».

Таким образом, адресат — повидимому, крестьянка, которая должна была выткать простое крестьянское полотно и отослать его автору письма, жившему, возможно, в городе; выбелить полотно должен был кто-то другой. В случае невозможности сразу отослать полотно автор письма обязывал ткачиху выполнить и вторую работу — выбелить полотно.

Грамота № 23 (найдена в культурном слое XV в.) содержит текст:

поклоно ѿ карпа. к господину. моКму фоми. было Ксми осподить. на пустоържи. рожь ксмь роздидило. с ольксо. съ гафанкомо. ньного осподить. ржи. на твою. часть. два овина. цътвѣрти. а пнитъликъ видѣль самъ.

А. В. Арциховский пишет относительно словосочетания *два овина цътвѣрти*: «Трудно понять только слово „четверти“; четвертями мерили рожь, но грамматическое согласование здесь непонятно¹¹: возможен смысл „два овина с четвертью“¹². И дальше: «Измерение ржи овинами понятно: господин знал емкость своих овинов»¹³. Сочетание *два овина цътвѣрти* не представляется возможным перевести как «два овина с четвертью»: употребление род. падежа *цътвѣрти* не дает для этого основания; вернее, что в данном контексте слово *цътвѣртъ* имеет общее значение «оброк», «налог», как в следующем примере из Псковской судной грамоты XV в. (список XVI в.): *А государь не доискался четверти*¹⁴. Таким образом, *два овина цътвѣрти* — «два овина (необмолоченного хлеба) оброка», т. е. оброк в пользу феодала составил два овина.

Итак, в грамоте, написанной, как правильно отмечает А. В. Арциховский, приказчиком или крестьянином феодалу, сказано: «Поклон от Карпа к господину моему Фоме. Был, господин, в Пустопержи¹⁵. Рожь разделил с Алексеем Гафанком. Не-

⁷ См. П. С. Кузнецов, Очерк морфологической системы пильмасозерского говора, «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 125.

⁸ Там же, стр. 125—126.

⁹ См. Г. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937, стр. 377.

¹⁰ Там же.

¹¹ В статье А. В. Арциховского, помещенной в «Вестнике АН СССР», после этих слов высказано предположение: «возможна описка; вероятнон смысл...» (стр. 49).

¹² А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 116.

¹³ Там же.

¹⁴ Г. Е. Кочин, указ. соч., стр. 393.

¹⁵ В новгородских писцовых книгах в числе деревень погоста Которьского названа «Пустопержа». [См. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией, т. IV, Переписные оброчные книги Шелонской пятины, СПб., 1886, стр. 124: «Д. Пустопержа пуста, пашни во всѣхъ трехъ полехъ на 8 коробей, сѣна 20 копенъ, а в писмѣ была обжа» (Переписная книга 1498 г.).]

много, господин, ржи на твою долю: два овина ржи оброка. А Пантелей видел сам (был сам свидетелем).

Т е к с т г р а м о т ы № 24, найденной тоже в культурном слое XV в., не требует перевода:

цоловбкомъ грамотку пришли таино.

В г р а м о т е № 25, также обнаруженной в культурном слое XV в. и представляющей начало письма, после которого идут обрывки букв, написано:

ухо к тобѣ с васильѣмъ со желудковымъ и ты ухо положи на судѣ а на мене се шли на томъ что еси конь позналъ у нѣмчина и ухо ѣси за мене далє и нѣмчине с себе поводѣ сложилє.

А. В. Арциховский правильно переводит слово *ухо* как «свидетельское показание на суде», хотя в таком значении это слово не отмечено ни в «Материалах» И. И. Срезневского, ни в картотеке древнерусского словаря. Он пишет далее: «Непонятно только выражение *поводѣ сложилє*»¹⁶.

В «Материалах» И. И. Срезневского нет объяснения слова *поводѣ*, которое подошло бы к данному контексту, но раскрыть значение этого слова помогает употребление в древнерусских памятниках глагола *поводити* с такими значениями: «показать, наущать». Глагол *сложити* в числе значений, с которыми он встречается в древнерусских памятниках, имеет следующие: «снять», «отложить», «отвергнуть».

Словосочетание *и нѣмчине с себе поводѣ сложилє* можно поэтому перевести: «и немец показание с себя (= против него) отверг» = «и немец не признал показания против него». Тогда перевод всего текста окажется следующим: «Свидетельское показание к тебе с Васильем Желудковым [в смысле: свидетельское показание направлено (обращено) к тебе с Василием Желудковым = указывает на тебя с Васильем Желудковым как на свидетелей]. И ты свидетельское показание отложи (= опровергни) на суде и на меня сошли в том (в смысле: выскажись за меня), что ты коня признал у немца и свидетельское показание в мою пользу дал и немец не признал показания против него».

Таким образом, *се шли* является формой повелительного наклонения от глагола *сѣлатися*, в которой возвратное местоимение *ся* в виде диалектного *се* (см. выше) находится в позиции к глаголу.

Т е к с т г р а м о т ы № 27, найденной в культурном слое XV в. и представляющей собой начало письма, не требует пояснений и перевода:

поклоно ꙗ фалеа ко ѣсифу послаа|. аво к тоби. беросто написаво вышли за.

Совершенно правильно указывает А. В. Арциховский, что наибольший интерес представляет слово *беросто*, обозначающее берестяную грамоту. Слово это, на основании данной грамоты, а также грамоты № 40, найденной в культурном слое XIV в., пополнил собою как словарь древнерусского языка, так и терминологический словарь древней Руси (до находки этих грамот было известно слово *бересто* со значением «березовая кора»).

В г р а м о т е № 40 — следующий текст (конец письма): *неи гвозду а стоять во потклатѣ кто придетъ а беростомъ.*

А. В. Арциховский пишет *неи гвозду* слитно и отмечает: «В первой строчке стоит слово „неигвозду“. Смысл его непонятен»¹⁷.

На снимке в конце оборванной предшествующей строки можно разобрать слово — предлог *в*. Таким образом, есть все основания прочесть *в неи гвозду*, где *гвозду* — форма дат. падежа ед. числа или, возможно, род. падежа ед. числа.

Слово *гвоздь* употреблялось в древнерусских памятниках и в форме *гвоздѣ*.

В «Материалах» И. И. Срезневского, в словарной статье, посвященной слову *гвоздь* = *гвоздѣ*, там, где говорится, что это слово употреблялось и со значением «втулка, которою затыкают бочки», отмечен пример из Новгородской летописи по Синодальному списку:

Всаажень бы въ бочкою имоущи ꙗ. дна... а въ другомъ конци вода. идеже гвоздѣ (в другом списке — гвездѣ)... Изъ бчькъ гвезды вынимаша и видеше водю текующу (по Академическому списку — гвезди; по Толст. списку — гвезди) (Новгородская I летопись 6712 г.).

Итак, употреблена форма им. падежа ед. числа *гвоздѣ*, вин. падежа мн. числа *гвозды*.

Отметим, на основании картотеки древнерусского словаря, еще несколько примеров со словом *гвоздь* (со значением *гвоздѣ*): *и по семь гвезды желѣзны въбша ѣму въ главу* (Пролог XIV в.); *гвезды желѣзны посребѣ главъ вбивающе* (Новгородская I летопись по Синодальному списку); *златыми жє гвезды заключити* (Пролог XV в.); *на ступицахъ по 4 обруча желѣзныхъ, в станкѣ двѣ гвездовѣ болшихъ нѣтъ жє, и на*

¹⁶ А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 116.

¹⁷ Там же. В статье в «Вестнике АН СССР»: «Первая строчка „неигвозду“ непонятна, поскольку нет связи с предыдущим» (стр. 50).

ручкаъ накрыжскъ нѣтъ... Псков. а.—1660 г. (Псков и его пригороды, кн. 2, Сб. Моск. архива Миц-ва юстиции, т. VI, М., 1914, 1580—1733 гг.); *двенатца^т гво³до^в пило-ваны^х* (Кн. расх. Иверск. монастыря, 1663—1664 г.). Отметим попутно, что форма *гвозд* (с твердым *д*) встречается в современных территориальных говорах — в северо-великорусских и в средневеликорусских.

Смысл всего текста, в связи с тем, что *неизгвозду* не является одним словом, нам кажется иным, чем он представляется А. В. Арциховскому. По его мнению, «Люди, приходившие с берестяными грамотами, должны были ожидать кого-то в нижнем этаже»¹⁸. Но вернее, что *стоять* относится к предметам, помещавшимся в подклети — нижнем ярусе дома, а последнее предложение с *кто* не закончено, следовательно, грамота не имеет конца.

Мы переводим текст так: «...в ней гвоздю (возможно: гвоздя). А стоят в подклети. Кто придет с берестяной грамотой...» Возможно, что хозяин дома был вне Новгорода и поручил лицу, которому он дал берестяную грамоту, доставить нужные предметы. Автор письма в грамоте указывает, какие предметы ему необходимы и где они находятся (хранятся).

В грамоте № 41, найденной в культурном слое XIV в., сохранилась частично первая строчка оборванного сверху письма; вторая и третья строчки уцелели полностью:

те дайте намъ волю ходи (очевидно, ходити.— В. Б.)... *кунахъ землю вамъ оци-стимъ а вамъ кланяѣмся.*

Для закладных, купчих, рядных грамот, в частности для двинских грамот XV в., обычно употребление слов *очистити*, *очищати*, *очищивати* со значением «освободить, освобождать от залогов, недоимок» с дат. падежом лица (при инфинитиве *очистити*, *очищати*; *очищивати*), которое обязано это сделать.

Есть основание предположить, что и в данном случае, где обязательство выражено формой настоящего времени глагола совершенного вида, значение глагола то же. На это, возможно, указывает слово *кунахъ*: залог был в кунах.

Перевод текста (*те* мы считаем концом слова и потому не переводим): «...дайте нам свободно распоряжаться... землю вам обязуемся освободить от залогов (или недоимок). А вам кланяемся» (= вас приветствуем).

Большой интерес представляет найденное в культурном слое XIV в. письмо Бориса к Анастасии (грамота № 43):

Ѡ бориса. ко ностасии. како. приде. ся. грамота. тако. пришли ми. цоловѣкъ. на жеребиѣ зане ми. здѣсе. дѣль. много. да пришли. сороцицю. сороциѣ забыле.

Письмо свидетельствует о широком распространении грамотности. Совершенно справедливо отмечает А. В. Арциховский: «Очевидно, Настасья или другой член семьи были грамотны. Подобные письма писались и читались без участия профессиональных писцов. Иначе было бы проще передавать поручения на словах»¹⁹.

Перевод не представляет трудностей: «От Бориса к Анастасии. Когда будет прислана эта грамота, тогда пришли мне человека на жеребце, так как у меня здесь дел много. Да пришли исподнюю рубашку: исподние рубашки забыл».

С этой грамотой А. В. Арциховский с полным основанием связывает грамоту № 49, найденную также в культурном слое XIV в., почти на той же глубине:

поклонъ Ѡ ностасии къ гну къ моѣи къ братьи оу мене бориса в животѣ нѣтъ какъ се здо мною попецалуѣте и моими дѣтми.

Текст не требует разъяснений. Слово *гну* (= *гну* = господину), употребленное для выражения почтения, стоит в ед. числе, так как относится к собирательному слову.

Форма *здо* (= господо) — зват. падеж ед. числа от собирательного *господа* (а не зват. падеж мн. числа, как ошибочно полагает А. В. Арциховский. Формы зват. падежа мн. ч., отличной от формы им. падежа мн. числа, в древнерусском языке не было).

Текст переводим: «Поклон от Анастасии к господам братьям моим. У меня Бориса нет в живых. Как, господа, позаботитесь обо мне и моих детях?»

Грамота № 46, найденная в культурном слое XIV в., написана весьма примитивной тайнописью: под первым рядом букв стоит второй ряд, читать надо первую букву вверху, затем первую внизу и т. д. Эта тайнопись расшифрована А. В. Арциховским:

невѣжя писа недума каза а хто се цита (конец оборван).

А. В. Арциховский правильно отмечает, что «это типичная школьная шутка»²⁰. Любопытно отметить, что в этой школьной шутке сохранена форма аориста, что свидетельствует о ее глубокой старине, о том, что она переходила от поколения к поколению.

¹⁸ А. В. Арциховский, указ. соч., стр. 116.

¹⁹ Там же, стр. 117.

²⁰ Там же.

Переводим текст грамоты так: «Несведущий писал, недумаящий (*недума* по типу *невѣжа*) показал. А кто это прочитал...»

Грамота № 53, найденная в культурном слое XIII—XIV вв., имеет следующий текст:

поклонъ ѿ Петра к марьѣ покосиле есмь позисно и озерици оу мене сѣно ѿяли спиши списокъ с купной грамотѣ да пришли сѣмо куды грамота поведе дать ми разумно.

А. В. Арциховский предполагает, что это письмо мужа к жене, и на основании имеющейся в письме просьбы к адресату — снять копию с купчей грамоты — делает (с основанием) вывод о грамотности новгородских женщин даже из среды рядового трудящегося населения.

Кажется, что А. В. Арциховский допускает ошибку, полагая слова *куды грамота поведе* началом фразы: *Куды грамота поведе, дать ми разумно*, считая при этом, что *разумно* означает «понятно». При такой разбивке текста, как у А. В. Арциховского, и при таком переводе слова *разумно* трудно доискаться смысла в приведенной фразе; вернее, что слова *куды грамота поведе* относятся к предыдущей фразе (точнее — к слову *сѣмо*) и являются образным выражением.

Текст, как нам кажется, следует перевести так: «Поклон от Петра к Марье. Я скошил луг, и озерици (жители села Озеры) у меня сено отняли. Напиши (= спиши) копию с купчей грамоты и пришли сюда, куда грамота (= письмо Петра) покажет путь. Мне нужно дать (= представить) разумно».

Для слова *разумно* значение, которое нами приведено при переводе, является основным. Глагол *дати* мы перевели как «дать = представить» (копию купчей грамоты). Возможно, однако, что автор письма не считал необходимым поставить при *дати* слово *вина*, так как юридическая формулировка *дати вина* была привычной и употребление даже одного слова *дати* в определенном контексте не вызывало сомнений, что при нем подразумевается *вина*.

Если это предположение правильное, то последняя фраза имеет следующий смысл: «Мне нужно обвинить разумно (= с основанием)».

Грамота № 54, найденная в культурном слое XIII в., особых замечаний не вызывает. Эта грамота, в которой сохранились только две строчки (конец первой строчки прочесть нельзя, так как верхняя часть букв оторвана), по мнению А. В. Арциховского, представляет собою отрывок из расписания соколиной охоты: *а у микулци сокол ... стужа соколь у микифорця*.

Грамота № 69, найденная в культурном слое XII в., имеет следующий текст: *ѿ Терентея къ михалю пришльить лошакъ съ Яковъцемъ поедуть дружина савина чадъ Я на Ярославли добръ здорвь и с григоремъ угличане замерзъли на Ярославли + ты до углеца и ту палъ дружина*.

В приведенном тексте *пришльить* (в после *т* на месте *е*) вместо ожидаемого *пришли* — потому, что письмо адресовано к одному лицу, а просьба обращена, повидимому, к нескольким лицам. Остальной текст замечаний не вызывает.

Приводим перевод текста: «От Терентия к Михаилу. Пришлите лошака (мула) с Яковом. Поедет дружина, люди Савы. Я в Ярославле в благополучии, с Григорием. Угличане (речь идет, как правильно отмечает А. В. Арциховский, об угличских кораблях) замерзли в Ярославле. Ты к Угличу (шли лошака. — В. Б.), и там войско, дружина».

В том же культурном слое XII в. найдена и грамота № 78:

+ вѣзми оу тимоще одинопнадесятъ гревъноу оу вѣщина шоурина на конѣ псании хомутъ и возе и оголове и попоноу.

А. В. Арциховский сближает имя *Воица* с известным по летописям именем *Воислав*. Отметим, что это имя встретилось и в новгородских грамотах, что в летописях, в новгородских грамотах употребляется и имя *Воинъ*. В Синодальном списке Новгородской первой летописи находим и имя *Вои* (под 6623-м — 1115-м годом):

«Том эсе лѣтъ заложил Воигость (повидимому, *Вои гость* — купец *Вои*. — В. Б.) церковь святого Федора Тирона, апреля в 28»²¹. То же — и в младшем изводе Новгородской первой летописи²².

Форма *псании* с и после *и* не позволяет согласиться, что слово *псании* относится к слову *хомут* и обозначает «расписной». При таком толковании не будет понятным и словосочетание *на конѣ; псании* — мн. число — форма им. падежа вместо формы вин. падежа. Словосочетание *на конѣ*, несомненно, обозначает «за коня». Предлог *на* для обозначения замены, цены (т. е. вместо предлога *за*) встречается в летописях, особенно часто — в грамотах (в новгородской грамоте не позднее 1147 г. — в духовной

²¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 20.

²² Там же, стр. 204 (Коммиссионный список. В Академическом и Толстовском списках на конце слова *гость* вместо *ь* — *ъ*)

Антония Римлянина и в более поздних грамотах — новгородских, псковских, двинских и др.).

Слово *оголове* — из *оголовиѣ* (с пропуском *и*) или из *оголовь* (с *е* на месте *ь*). В русских говорах в значении «узда» мы встречаем как *оголодь* (А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, Изд. 2-го отд-ния АН, СПб., 1885), так и *оголовь* (В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка). В поздних памятниках письменности, по данным картотеки древнерусского словаря, находим и *оголовье* (Олонецкие акты 1597—1666 гг.: *оголовье*; Розыские дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках, 1685—1725 гг.: *оголовье*), и *оголовь* (Розыские дела о Федоре Шаковитом...).

На основании сказанного текст переводим так: «Возьми у Тимофея одиннадцать гривен, у Волицына шурина за коня записанные комут, вожжи, узду, попоону».

А. В. Арциховский справедливо подчеркивает значение перечня конской сбруи, содержащегося в этой грамоте, для истории материальной культуры. Показательно, что в «Материалах» И. И. Срезневского не указаны ни *хомуть*, ни *вожжиси*, ни *оголовиѣ*. Только в «Дополнениях» к «Материалам» дан пример на слово «*вожжиси*» из позднего памятника — второй половины XVI в.: «*вожжиси* — часть конской сбруи:— *Вожжиси гачеи да четыре сбдла* (Оп. Ник. Кор. мон., 1551 г.)».

В «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина нет ни одного из названных выше слов (*хомуть*, *вожжиси*, *оголовиѣ*). Картотека древнерусского словаря дает сведения об употреблении названий *хомуть* и *вожжиси* в памятниках письменности со второй половины XVI в. Отметим также, что *попона* (в значении принадлежности конской сбруи), на основании данных картотеки древнерусского словаря, засвидетельствована тоже памятниками второй половины XVI в. и позже.

Не останавливаемся на двух маленьких грамотах-адресах №№ 58 и 79 (культурные слои XII и XIII в.), на надписях на бирках, на бочке, на каменном оселке (культурные слои XII, XIII, XIV и XV в.), поскольку с них не даны в статье снимки и в нашем распоряжении снимков также нет²³. Несомненно, что надписи не в меньшей степени, чем грамоты, свидетельствуют о широком распространении грамотности в древней Руси.

Остановимся на некоторых фонетических, морфологических и синтаксических явлениях вышеуказанных грамот. Более детальный анализ этих сторон берестяных грамот, а также их лексика и палеографических особенностей будет дан в коллективном труде о языке берестяных грамот, который подготавливается Институтом языкознания АН СССР (в этом труде будут рассмотрены все 83 найденные при раскопках 1951 и 1952 г. берестяные грамоты).

Наиболее яркой фонетической чертой новгородских берестяных грамот является показье (*ц* на месте *ч*): *оузлициане*, *до угасца* (№ 69)²⁴; *о зерици* (№ 53); *оцистимъ* (№ 41); *цоловбкъ*; *сороцицу*, *сороцицъ*²⁵ (№ 43); *цита* (№ 46); *попецалуѣте* (№ 49); *цлякъ* (№ 17); *уоцицику* (№ 21); *цастъ*, *цвѣтърти* (№ 23); *цоловбкомъ* (№ 24); *цто*, *у нѣмцина*, *нѣмцине* (№ 25). Единственный случай сохранения *ч* — в грамоте XII в.: *савина чадь* (№ 69).

Следует отметить, что ни в одной из берестяных грамот нет случаев обратной замены — *ч* на *ц*: *съ яковцемъ* (№ 69); *оу взици* (№ 78); *у микифорца* (№ 54); *на жерецицъ* (№ 43); *угодице с кымъ* (№ 21).

Берестяные грамоты последовательно сохраняют *ѣ*: на *конѣ* (местн. падеж ед. числа; № 78); *сѣно* (№ 53); *с купнои грамотѣ* (№ 53); *сѣмо* (№ 53); *во потѣлѣтѣ* (№ 40); *цоловбкъ* (№ 40); *на жерецицъ* (№ 43); *адѣсе* (№ 43); *дѣль* (№ 43); *сороцицъ* *габыле* (№ 43); *невѣся* (№ 46); *в животѣ нѣтъ* (№ 49); *дѣтми* (№ 49); *сѣмяна* (№ 17); *ко мнѣ* (№ 21); *избѣли* (№ 21); *цоловбкомъ* (№ 24); *к тобѣ* (№ 25); *на судѣ* (№ 25); *у нѣмцина* (№ 25); *нѣмцине* (№ 25).

Из перечисленных случаев особый интерес представляет употребление *ѣ* в форме местного падежа ед. числа основ на *о* мягкого различия, которое встретилось не только в сравнительно позднем памятнике XIV в. (*на жерецицъ*; № 43), но и в памятнике XII в. (*на конѣ*; № 78). Отметим, что А. И. Соболевский в своих «Лекциях по истории русского языка» первый достоверный случай местного падежа ед. числа основ на *о* мягкого различия с *ѣ* приводит из памятника XII—XIII вв. («Триодь Моисея киевлянина») ²⁶.

²³ Нами были получены от А. В. Арциховского снимки и прорисы со всех грамот, рассмотренных в его статье, кроме грамот-адресов №№ 58 и 79 и надписей на бирках, бочке и каменном оселке.

²⁴ Здесь и ниже приводим примеры из грамот, начиная с древнейших: №№ 69 и 78 — XII в.; № 54 — XIII в.; № 53 — XIII—XIV вв.; №№ 40, 41, 43, 46, 49 — XIV в.; №№ 17, 21, 23, 24, 25, 27 — XIV в.

²⁵ Второе *ц* — исконное.

²⁶ А. И. С о б о л е в с к и й, Лекции по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 179.

Случай с *e* на месте *ѣ* весьма немногочисленны: *поедутъ* (№ 69); *оу тимоше* (№ 78); *възъми воззе*; *видьль* (№ 23) (*ѣ* на месте *e*). В первом из примеров (*поедутъ*) *e* стоит после буквы, обозначающей гласный, и произносится в данном положении как *йе*²⁷. Употребление *e* вместо *ѣ* не только после гласного, но и после согласного особых замечаний не вызывает: первые случаи с *e* на месте *ѣ* встречаются уже в древнейшем русском памятнике — Остромировом евангелии 1056—1057 гг.

Случай с *ѣ* на месте *e* единственный: *одиномунадесятѣ гривъноу* (№ 78). Следует подчеркнуть, что этот случай — в грамоте, найденной в культурном слое XII в.

Замену *ѣ* буквой *и*, характерную для новгородских памятников, находим редко, при этом только в поздних берестяных грамотах (XV в.): *к... тимофию* (№ 17)²⁸; *не смикъмъ* (№ 17); *к... фоми* (№ 23); *рожь Ксмъ роздилло* (№ 23); *к тоби* (№ 27). Отметим, что *и* в одном из приведенных выше случаев нет примера с *и* на месте *ѣ* перед твердым согласным.

Остановимся на том, что дают берестяные грамоты для рассмотрения вопросов, связанных с судьбой глухих *ѣ* и *ь*. Сохраняя, как правило, *ѣ* и *ь*, берестяные грамоты дают и примеры их исчезновения в слабом положении (при этом и в грамотах, найденных в культурном слое XII в.). Мы не находим *ѣ* и *ь* в приставках, предлогах, суффиксах, а также и в корнях слов. Из приведенных ниже случаев особый интерес представляет написание *плькъ* вместо ожидаемого *плькѣ*. Этот пример находится в противоречии с другими случаями из той же грамоты XII в. (№ 69), отразившими не только сохранение *ѣ* и *ь* в сильном положении, но и переход их в гласные полного образования (см. ниже). Следует отметить, что пропуск *ѣ*, *ь* при сочетании их с плавными в случаях типа *плькъ* не засвидетельствован древнерусскими памятниками.

Отметим случаи с написаниями без *ѣ* и *ь*: *и ту плькъ* (№ 69); *псанни* (№ 79); *у микифорца* (№ 54); *пожню* (№ 53); *с купно* (пропуск *ѣ* в предлоге и *ь* в имени прилагательном; № 53); *да пришли* (№ 53); *розумно* (№ 53); *кто* (№ 40); *волно* (№ 41); *много* (№ 43); *да пришли* (№ 43); *хто* (№ 46); *в животѣ* (№ 49); *дѣтми* (№ 49); *пришли* (№ 17); *спроста* (№ 17); *имать ржи* (№ 17); *ко мнѣ* (№ 21); *пришли* (№ 21); *с кымъ* (№ 21); *ньмого* (№ 23); *ржи* (№ 23); *два* (№ 23); *пришли* (№ 24); *к тобѣ* (№ 25); *шли* (№ 25); *что* (№ 25); *оу нѣмцина* (№ 25); *и нѣмцине* (№ 25); *к тоби* (№ 27); *вышли* (№ 27).

Грамоты, при этом и самые древние из них (XII в.), содержат также материал, говорящий о переходе глухих в гласные полного образования: *с яковъцемъ* (№ 69); *ко мнѣ* (№ 21); *рожь* (№ 23). Под влиянием случаев, когда глухой в предлоге, стоящем перед словом, в котором утратился глухой в первом слоге, перешел в гласный полного образования, находим *о* в предлогах и в других случаях (в грамотах XIV и XV в.): *во поткълѣтѣ* (№ 40); *ко ностаси* (№ 43); *со жеслутковымъ* (№ 25).

Переход глухих в гласные полного образования приводит к их смещению на письме, что тоже получило отражение в новгородских берестяных грамотах. С одной стороны, находим в них *о* и *e* на месте *ѣ* и *ь*: *възъми оу тимоше* (№ 78); *поклоно ѿ карпа* (№ 23); *было Ксми* (№ 23); *рожь Ксмъ роздилло* (№ 23); *съ гафанкомо* (№ 23); *написаво* (№ 27); *яо* (№ 27). С другой стороны, находим *ѣ* и *ь* на месте *о* и *e*: *пришьлить лошакъ* (№ 69); *ньмого* (№ 23); *осподиь* (зват. падеж; № 23); *цьтърти* (№ 23); *а пятльикъ* (№ 23), а также *ѣ* на конце слова на месте ожидаемого *ъ*: *гомуть* (№ 78); *пантьликъ* (№ 26); *самъ* (№ 23).

Падением редуцированных обусловлены и случаи написания *ѣ* и *ь* там, где их ранее не было. См. *углицане замързъли* (№ 69), где *ѣ*, может быть, передает мягкость *з*; *к моѿи бъратьи* (№ 49).

Берестяными грамотами засвидетельствовано и изменение глухих согласных в звонкие и наоборот — звонких согласных в глухие, как результат падения глухих: *здоровъ* (№ 69); *во поткълѣтѣ* (№ 40); *в беростомъ* (№ 40); *на жерепѣ* (№ 43); *вѣбсе* (№ 43); *со жеслутковымъ* (№ 25). Важно подчеркнуть, что такое изменение отмечено в грамоте № 69, найденной в культурном слое XII в., тогда как ранее примеры такого изменения отмечали лишь в памятниках начала XIII в. А. И. Соболевский, давший

²⁷ Замену *ѣ* буквой *e* в слове *доеди* находим в новгородской берестяной грамоте XI в. (см. В. И. Борковскій, указ. соч., стр. 134).

²⁸ Это имя в памятниках XIII—XIV вв. и позже писалось не с *e*, а с *ѣ*, который и в данном слове (во всяком случае, в некоторых говорах русского языка) обозначал звук, отличный от *e*. Напомним, что в современном украинском языке — *Тимобій*. Относительно *и* в именах собственных (в том числе и в имени *Тимовѣ* — *Тимовѣи*) см. у А. А. Шахматова (О языке новгородских грамот XIII и XIV века, «Исследования по русскому языку», т. I, Изд. Отд-ния русск. языка и словесности АН, т. I, СПб., 1885—1895, стр. 218—219). Отметим, что колебания в употреблении *ѣ* и *и* в именах собственных, где ожидали бы *e*, в севернорусских памятниках представлены сравнительно широко. См. в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку: *алексика*, *алексии* при *алексѣ*; *еремка* при *еремѣ* и др. (В. И. Борковскій, О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, «Труды комиссии по русскому языку», т. I, Л., 1931, стр. 33).

в своих «Лекциях» наиболее полную сводку случаев такого изменения в XIII в., выразил уверенно, что большая часть примеров явилась в языке много раньше. В частности, он полагал, что глухие перешли в звонкие тотчас после того, как соприкоснулись со следовавшими за исчезающими *ъ* и *ь* звонкими (кроме *є*)²⁹.

Пример из грамоты № 69 с переходом с *в* в *з* в слове *здоровъ*, повидимому, подтверждает правильность высказывания А. И. Соболевского, что ассимиляция и диссимиляция (в первую очередь диссимиляция глухих звонким) имела место раньше XIII в. Если предположить, что грамота № 69 принадлежит в 2-ой половине XII в., и учесть, что первые случаи с переходом глухих в звонкие встретились в «Житии Нифонта» — памятнике 1219 г.³⁰, то поправка к хронологии данного явления не будет весьма значительной.

В грамотах № 69 и № 78, которые, возможно, тоже относятся ко второй половине XII в., имеем и другие случаи изменений во вновь возникших после падения редуцированных группах согласных: *пришьлѣтъ* — из *присъльбѣтъ*; *тимоше* — из *тимошьѣ*. Относительно первого случая отметим, что изменение с *ш* в *щ* в приведенном слове ранее отмечалось по памятнику 1284 г. Таким образом, поправка к хронологии является несомненно значительной.

Изменение группы *шьѣ* в *щѣ* (шч) в слове *тимоше* после падения глухого *ь* произошло, повидимому, не вследствие прогрессивной ассимиляции, а благодаря чоканью (*ч* на месте *щ*); смещению способствовала мягкость *ѣ*). Данный случай — с чоканьем — единственный в рассматриваемых берестяных грамотах.

Итак, берестяные грамоты позволяют внести важные поправки в хронологию ряда явлений. На это справедливо обращено внимание в передовой статье журнала «Вопросы языкознания» (№ 3 за 1953 г.): «Если поверить датировке грамот по их нахождению в слое того или иного века, как это предлагает А. В. Ардиховский (хотя, повидимому, некоторые переносы устанавливаемых им дат в более поздний век необходимы), то придется существенно изменить многие уже установившиеся представления об этапах и ходе развития звукового и отчасти грамматического строя русского языка» (стр. 13). К сожалению, не изучена палеографическая сторона грамот, которая позволила бы уточнить датировку. Однако у нас нет оснований сомневаться в датировке на основании нахождения грамоты в культурном слое, поскольку каждый из культурных слоев имеет большую толщину.

Окончание *мь* в твор. падеже ед. числа находим в ранней грамоте № 69 (XII в.); с *григоремъ* (рядом, что важно отметить, в памятнике XII в.: с *яковьемъ*). В других грамотах оно не встретилось (случай с твор. и местным падежами ед. числа находим только в грамоте № 69 и в поздних грамотах — с XIV в.). В грамотах XIV—XV вв. имеется окончание только *мь*: с *беростомъ* (№ 40); с *кымъ* (№ 21); с *гафанкомъ* (№ 23); *цоловѣкомъ* (твор. падеж; № 24); с *васильемъ* (№ 25); с *желутковомъ* (№ 25); на *томъ* (№ 25).

В 3-м лице ед. и мн. числа находим *т* мягкое [примеры, весьма немногочисленные, из грамоты XII в. (№ 69) и грамоты XIV в. (№ 40)]: *а поедуть дружина* (№ 69); *а столтъ* (3-е лицо мн. числа; № 40); *кто придетъ* (№ 40).

Остановимся на одной особенности новгородских берестяных грамот, которую мы объясняем фонетически, почему и говорим о ней здесь, — на форме причастия на *-ль*. В берестяных грамотах мы находим в этих формах на конце: 1) *ъ*: *что еси конь погналь* (№ 25); 2) черту вместо *ъ*: *посалаа, яво к тоби. беросто* (№ 27); 3) *о* (как результат графической мены *о* и *ь*): *было ѿсми ѿсподинь. на пустоържи* (№ 23); *рожь ѿсми розделило* (№ 23); 4) *е*: *покосиле есмь пожно* (№ 53); *сороциѣ вабыле* (1-е лицо ед. числа; № 43); *и ухъ ѿси ва мене дале* (№ 25); *и нѣмцине с себе поведъ сложили* (№ 25); 5) *ь*: *а пятльиць видль самъ* (№ 23).

Интерес представляют формы с *е* и *ь*. Важно отметить, что формы с *е* встретились не только в 3-м лице ед. числа, но и в 1-м и во 2-м лице, что устраняет возможность их объяснения как результат слияния причастия с формой 3-го лица ед. числа вспомогательного глагола *ѣ*. Напомним, что форма на *е* встречается еще во вкладной Варлаама Хутынского монастырю после 1192 г. (*въдале варламе*) и что форма на *ле* в 3-м лице ед. числа отмечена в псковском памятнике второй половины XVI в. — в Погодинском списке Псковской летописи — Н. М. Каринским³¹; встречается форма на *л'е* и в диалектах.

В связи с анализом данных форм важно отметить, что при лингвистическом обследовании ряда пунктов Новгородской, Ленинградской и Псковской областей для «Атласа русских народных говоров северо-западных областей» собиратели зарегистри-

²⁹ См. А. И. Соболевский, указ. соч., стр. 103.

³⁰ См. там же.

³¹ Н. Каринский, Язык Пскова и его области в XV веке, СПб., 1909, стр. 87. См. также Н. Каринский, Исследование языка Псковского шестоднева 1374 г., ЖМНП., Новая серия, часть LXI, Пг., 1916, февраль, стр. 234.

стрировали случаи со «средним», «европейским» *л*, в частности, в причастиях-глаголах на *-ль* (в ед. числе перед гласным звуком).

Укажем эти пункты: 1) Новгородская область: дер. Менюша Менюшского сельсовета Шимского района, дер. Теребутицы Теребутицкого сельсовета Шимского района, дер. Подгощи Подгощского сельсовета того же района; 2) Ленинградская область: дер. Заполье Смердовского сельсовета Лужского района; 3) Псковская область: дер. Загорье Семищевского сельсовета Порховского района, дер. Чертёны Скугровского сельсовета Дновского района.

На основании диалектологических материалов показаний памятников письменности, особенно же новгородских берестяных грамот (со смешением твердого и мягкого *л* в причастиях), представляется возможным предположить, что в некоторых говорах, входивших в состав Новгородской земли, было среднее *л*.

Из других фонетических явлений отметим в грамотах XIII—XV вв. отражение перехода *е* в *о* перед твердым согласным: *поклонъ ѿ потра* (№ 53); *в беростомъ* (№ 40); *цоловбкъ* (№ 43); *цоловбкомъ* (№ 24); *беросто* (№ 27). Как видим, переход имеет место не только после шипящих и *ц* (в наших грамотах — после *ц*), но и после других согласных, что засвидетельствовано и другими древнерусскими памятниками конца XIII в. и позже, в первую очередь — новгородскими (грамота № 53, из которой приведен пример: ѿ *потра*, относится к XIII—XIV вв.).

В берестяных грамотах встретились только полногласные формы: *здоровъ* (№ 69); *оголове* (№ 78); *ни жерепцѣ* (№ 43); *сороцию* (№ 43); *сороциѣ забале* (№ 43).

В отношении согласных звуков укажем только явление отпадения *з* в корне *господ-* как результате произнесения этого *з* как фрикативного звонкого. Ря-

дом с примерами *къ гну*; *как се гдо*³² (все примеры из одной грамоты № 49) находим: *к осподину* (№ 17 и № 23); *осподине* (№ 17); *осподинь* (зват. п.; дважды; № 23).

Факт произношения *з* как звонкого фрикативного, установленный на основании находки берестяных грамот, авторами которых являются приказчик (грамота № 17), приказчик или крестьянин (грамота № 23), не позволяет нам видеть во фрикативном звуке в корне *господ-* наследие древнекиевского произношения, получившего распространение и в севернорусской области, как полагал А. А. Шахматов³³. Полагаем вслед за А. М. Селищевым, что *хоспода*, *хосподарь*, *осподарь* — «...результат изменения, пережитого в русской среде, без воздействия украинско-белорусского произношения»³⁴.

На отдельных морфологических и синтаксических явлениях нам пришлось останавливаться выше, поэтому мы коснемся лишь некоторых вопросов морфологии и синтаксиса берестяных грамот. Отметим сохранение определенной, графической для

грамматической формы зват. падежа ед. числа от слов *господинь*, *господа*: *какъ се гдо мною попецалуѣте и моими дѣтми* (№ 49); *пришли осподине цлвкъ. спроста* (№ 17); *было ѣсми осподинь. на пустоьрси* (№ 23); *ньмного осподинь. рси. на твою часть* (№ 23).

Обычным является для древнерусских памятников употребление формы род. падежа от основы на согласный среднего рода по типу *о* основ, встретившиеся в грамоте XV в.: *а мы не смѣкъ имать рси безъ твоѣго слова* (№ 17).

От возвратного местоимения находим в род. падеже новую форму: *и ты у себя избѣли* (грамота из культурного слоя XV в.; № 21). Это подтверждает известное положение о том, что формы *меня*, *тебя*, *себя* сравнительно поздние, их и ранее отмечали в памятниках, начиная с XV в. Как в ранних, так и в более поздних грамотах находим старинную форму: *и ѡзерици оу мене сѣно ѡлли* (№ 53); *ухо ѣси за мене дале* (вин. падеж; № 25).

В дат. падеже ед. числа личного местоимения 2-го лица находим только форму *тобѣ* (а не форму *тебѣ*): *ухо к тобѣ* (№ 25); *послал/. ѡго к тоби. беросто* (№ 27). Отметим еще форму *ми* в дат. падеже ед. числа в грамоте XIV в.: *пришли ми цоловбкъ. на жерепцѣ ване ми. дѣсе. дѣль. много* (№ 43).

Наибольший интерес представляют случаи смешения форм твердого и мягкого различия. В грамотах XII и XIV в. встретилось старинное употребление формы вин. падежа мн. числа (с *ѣ*) от основ на -а мягкого различия: *възѣми... возсе и оголове и пополу* (№ 78); *пришли. сороцию. сороциѣ забале* (№ 43). Старинную форму местн. падежа ед. числа от основы на -о мягкого различия находим в грамоте XII в.: *на Ярославли*

³² Интересно употребление буквенного титла. Это единственный случай с титлом в берестяных грамотах.

³³ См. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд., М., 1941, стр. 91—92.

³⁴ А. М. Селищев, Критические заметки по истории русского языка, «Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та. Кафедра русск. языка», вып. I, т. V, М., 1941, стр. 183.

(№ 69); *оуглицане замерзѣли на Ярославѣ* (№ 69). В приведенных примерах попутно отметим употребление предлога *на* в значении *въ*, широко представленное и в других памятниках письменности, в частности новгородских, двинских, московских и др.

Рядом — многочисленные случаи смещения форм твердого и мягкого различия в ед. числе: 1) форма местн. падежа твердого различия вместо формы мягкого различия (в грамотах XII в. и позже): *възѣми... на конѣ* (№ 78); *пришли ми. цоловѣкъ. на жереициѣ* (№ 43); 2) форма дат. падежа твердого различия вместо формы мягкого различия: *поклонѣ ѿ потра к марѣ* (№ 53); 3) форма род. падежа твердого различия вместо формы мягкого различия: *поклонѣ ѿ носасыи къ гну къ можи къ братьи* (№ 49) (здесь и случай с сохранившейся формой дат. падежа ед. числа мягкого различия).

Наибольший интерес представляет форма *на конѣ* в грамоте XII в., поскольку, как мы уже говорили выше, первый случай, внушающий доверие, с формой местн. падежа твердого различия от мягких основ на -о отмечен только в памятнике XII—XIII в. — в Триоди Моисея киевлянина.

В следующем примере из грамоты XII в. находим смещение форм род. и дат. падежей (дат. падеж на месте род. падежа), засвидетельствованное древнерусскими памятниками со второй половины XII в.: *възѣми оу тимоше* (из *тимошѣцѣ*) (№ 78). Как смещение форм род. и дат. падежей можно рассматривать форму с *ѣ* в более поздней грамоте (XIII—XIV вв.): *спиши списокъ в купнии грамотѣ* (№ 53). Возможно, однако, предположить и то, что здесь имеет место влияние формы на *ѣ* мягких основ на форму твердых основ.

Из области склонения имен укажем еще употребление формы им. падежа мн. числа вместо формы вин. падежа мн. числа имени прилагательного (в местоименной форме) муж. рода: *възѣми... на конѣ псиани хомуть и воже и оголове и попону* (№ 78).

Толкование формы *псиани* как формы им. падежа мн. числа заставляет предполагать употребление уже в XII в. формы им. падежа мн. числа имен прилагательных муж. рода (в местоименной форме) вместо формы вин. падежа тех же прилагательных, между тем единичные случаи замены формы вин. падежа мн. числа формой им. падежа мн. числа отмечены исследователями древнерусского языка лишь со второй половины XIII в. (в именах существительных такое употребление формы одного падежа вместо формы другого падежа встречаем раньше — с 1215 г.).

Из области глагола отметим представленную в грамоте № 53 форму 3-го лица ед. числа простого будущего без -ть: *куды грамота поведе...*³⁵.

В 3-м лице ед. числа и мн. числа перфекта отсутствует связка: *и ѡзерици оу мене сѣно ѡли* (№ 53); *а пятьликъ видѣль самъ* (№ 23). В 1-м и 2-м лице связка употребляется: *покосиле есмь* (№ 53); *было ꙗси* (№ 23); *ꙗсмь ровдилило* (№ 23); *что еси конь позналъ* (№ 25). Отсутствует связка лишь в двух случаях. В одном из них употреблено *ꙗвѣ послал. ꙗво к тоби* (№ 27). Интерес представляет второй случай. Автор письма дает поручение жене, рассказывает о себе (в грамоте дважды *ми: пришли ми...*, *ми. здѣсе. дѣлѣ много*), поэтому совершенно ясно, что и перфект указывает на первое лицо: *да пришли. сороцицю. сороцицѣ забыле* (№ 43).

В новгородских берестяных грамотах последовательно сохраняется форма вин. падежа (как от наименований животных, так и от наименований лиц): *пришьлить лошажѣ* (№ 69); *пришли ми. цоловѣкъ* (№ 43); *пришли оподине цѣвѣк спроста* (№ 17); *что ꙗси конь позналъ* (№ 25).

В грамотах мы находим повторение предлога, вызванное необходимостью подчеркнуть слова, при которых стоит предлог (приложение или определение, определяемое слово): *поклонѣ ѿ носасыи къ гну къ можи къ братьи* (№ 49); *рожь ꙗсмь ровдилило. с ольсок. съ гафанколо* (№ 23). Как известно, повторение предлога весьма часто встречается в территориальных диалектах (как в устном творчестве, так и в разговорной речи).

В грамоте XII в. находим постановку сказуемого во мн. числе при собирательном слове. Употребление мн. числа сказуемого при собирательном слове характерно не только для древнерусских памятников, но и для современных территориальных говоров. Приведем тот единственный встретившийся нам случай: *поедутъ дружина савина чадѣ* (№ 69).

Нам уже приходилось отмечать в отношении новгородских берестяных грамот, найденных при раскопках 1951 г., трафаретное начало грамоты. Это трафаретное начало (двух типов: 1) от такого-то к такому-то; 2) поклон от такого-то к такому-то как выражение приветствия) находим и в берестяных грамотах, найденных в 1952 г.: *ѿ тереньтея къ михалю* (№ 69); *поклонѣ ѿ потра к марѣ* (№ 53); *ѿ бориса. ко носасыи* (№ 43); *поклонѣ ѿ носасыи къ гну къ можи къ братьи* (№ 49); *поклонѣ ѿ михали к осно-*

³⁵ Формы без *ть*, *т* в глаголах различных классов отмечены в большом количестве пунктов территории, картографированной в «Атласе русских народных говоров северо-западных областей», сданном в печать Ин-том языкознания АН СССР.

дину своѣму тимофию. (№ 17); поклоно ѿ карма. к осподину. моѣму фоми (№ 23); поклоно ѿ фалея ко Ксифу (№ 27).

Во всех приведенных случаях начало грамоты по своему синтаксическому построению — номинативное назывное предложение (предложение, содержащее указание на автора письма и на лицо, которому посылается это письмо) или номинативное (предложение с отглагольным именем существительным *поклонъ*).

Интересно отметить, что грамота № 78 (XII в.), представляющая целое письмо, а не отрывок письма, и грамота № 25 (XV в.), являющаяся п а ч а л о м письма, не содержат ни указания на автора письма и на лицо, к которому автор пишет, ни приветствия. Таким образом, эти грамоты отличаются от других грамот-писем. Это — своеобразные грамоты-частные записки.

Мы не останавливаемся на разборе типов предложения, встретившихся в грамотах, так как это может послужить темой для специальной статьи. Укажем только, что в грамотах широко представлены как простые предложения и сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения (с *кто, что, зане, куды*).

В грамотах имеет место и прямая речь (в грамоте № 27), что способствует большей живости изложения. Благодаря отсутствию в ряде предложений глагола-сказуемого или вспомогательного глагола при именной части сказуемого создается впечатление живой устной речи; например, в древнейшей грамоте № 69 (XII в.) читаем: *я на Ярославли добръ вдоровъ и с григоремъ; ты до углеча и ту пльк дружина.*

Отметим еще вопросительное предложение в грамоте № 49 (вопросительные предложения в грамотах встречаются очень редко), употребление которого тоже создает впечатление непосредственной беседы автора письма с адресатом.

Новая находка берестяных грамот — большой вклад в науку о древнерусском языке (хотя основная часть грамот и относится к XIV—XV векам). Когда будут открыты культурные слои XI и X в. и найдены грамоты, написанные в XI в., а возможно — и ранее, многое уточнится в отношении хронологии фонетических, морфологических и синтаксических явлений.

В. И. Борковский